

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ И АНДРЕЙ ЛЕВИНСОН: ПОСМЕРТНЫЙ ЭПИЛОГ ДАВНЕЙ ПОЛЕМИКИ

В творческой биографии Маяковского до недавнего времени оставалось довольно много «белых пятен» (или же просто сознательных «затемнений»). В последние годы, правда, появилось несколько публикаций, восстанавливающих некоторые пробелы.

Но еще предстоит проанализировать целый пласт критики в ряде изданий русской эмиграции в США и странах Южной Америки. В этом ряду и стоит предлагаемая публикация материалов полемики вокруг некролога Маяковскому в парижской газете «Les Nouvelles Littéraires» («Литературные новости») искусствоведа Андрея Яковлевича Левинсона (1887 — 1933).

Для большинства отечественных читателей эти два имени — выдающегося поэта и «малоизвестного» искусствоведа — в истории русской литературы XX века соединены всего двумя эпизодами. Эпизод первый: как некий литературный критик «бывшей кадетской газеты «Речь» 11 ноября 1918 года в газете «Жизнь искусства» (здесь он вместе с поэтом М. А. Кузминым вел раздел музыкального театра и отстаивал от певцов-новаторов здоровые классические традиции русского балета) осмелился критиковать «первую советскую сатирическую пьесу «Мистерия-буфф», и как автор пьесы пожаловался на «клевету» критика в Наркомпрос товарищу Луначарскому. Эпизод второй (пожалуй, еще более известный благодаря мемуарной книге И. Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» — книга 2, глава 5): как тот же «злобствующий» Левинсон поместил после смерти Маяковского во французской газете статью-некролог «пасквильного содержания» и какой достойный ответ дали ему все «прогрессивные» французские и русские деятели искусства на страницах той же газеты**.

Вот, собственно, и все. Однако в силу жесткой автоцензуры советского литератора (да еще члена руководства Союза писателей СССР), которую не могла растопить никакая хрущевская «оттепель», Эренбург умалчал о том, чем же закончилась вся эта история. Она же имела интересное развитие. В ответ на коллективный протест французских и русских «левых» (да еще «подкрепленный» 5 июня 1930 года нападением на «инакомыслящего» Левинсона в его собственной квартире со стороны ворвавшегося туда «большевизанствующего сюрреалиста» (так назвала Луи Арагона варшавская русская газета «За свободу» 20 июня 1930 года), автор статьи «Поэзия в Советской России. Самоубийство Маяковского» поместил

* Из наиболее принципиальных назовем журналистское расследование обстоятельств гибели Маяковского В. Скорятина («Журналист», 1989 — 1993 гг.); криминалистическую экспертизу личных вещей поэта, бывших на нем в момент гибели («Литературная газета», 1991, 4 дек.); аналитические обзоры исследований творчества поэта в критике русской эмиграции («Литературное обозрение», 1992, № 3 — 4, «Вестник МГУ», серия «Филология», 1992, № 4, «Советская библиография», 1991, № 2 — авторы: В. Терехина, Л. Селезнев, А. Зименков); статьи К. Постоутенко «Маяковский и Шенгели» («Известия ОЛЯ АН СССР», 1991, № 6) и Л. Селезнева «Михаил Кузмин и Владимир Маяковский» («Вопросы литературы», 1989, № 11).

** В том же духе характеризует этот эпизод и В. А. Катанян в биографической хронике жизни и деятельности Маяковского. — См. 5-е издание, М., 1985, стр. 533 — 534.

там же и публикуемое сегодня ниже письмо принципиального содержания.

А месяц спустя, 12 июля, все в той же газете появился контрпротест «право-консервативной» (назовем условно так) части русской литературной эмиграции, уже в поддержку позиции Левинсона... Самое загадочное в этой истории то, почему же именно на А. Левинсона обрушились такие инвективы и «кары» со стороны леворадикальной творческой интеллигенции. Ведь в опубликованных в апреле — мае 1930 года в русской эмигрантской прессе статьях В. Ходасевича, Г. Адамовича, Б. Бажанова, А. Яблоновского, Ю. Офросимова, М. Слонима и других содержались не менее резкие оценки творчества Маяковского, нежели у Левинсона, хотя так же, как у последнего, признавался «большой и странный талант» покойного поэта. Думается, дело в том, что Левинсон в статье 30-го года не ограничился идеологическим аспектом критики поэзии и позиции Маяковского; но, как и в статье 1918 года по поводу «Мистерии-буфф», поставил вопрос более широко: о собственно эстетической ценности всего «авантюристического авангарда» и его ответственности после 1917 года за разрушение и без того хрупких (как казалось «западнику» Левинсону) традиций культуры и цивилизации в России. А такого обвинения русские и европейские «левые», питавшие иллюзии относительно «нового пути» Советской России и «нового искусства» в ней, стерпеть уже не могли. В отличие от многих еврейских интеллигентов Андрей Левинсон не принял большевистского режима, почему (как и филолог Роман Якобсон) эмигрировал из России в 1920 году. Свои впечатления о постигшей его родину трагедии он объективно и беспристрастно описал (по свежим следам) в автобиографическом очерке «Поездка из Петербурга в Сибирь в январе 1920 г.*».

Живя с 1921 года в Париже и опубликовав в 1921—1923 годах несколько статей в милюковских «Последних новостях», Левинсон отошел от сотрудничества в эмигрантской либеральной прессе. Отлично владея французским литературным языком, он стал сотрудничать в основном во французских газетах и журналах по искусству. В 1922—1923 гг. в Сорбонне он читал на французском языке курс лекций «Русская литература наших дней», две из которых уделил Маяковскому (в том числе и чтению переводов его произведений на французский язык)**.

Сегодня, объясняя излишне эмоциональную резкость некоторых оценок временем написания, придется признать, что Андрей Левинсон написал все-таки не «пасквиль», а статью о трагедии «большого и странного таланта» при политическом режиме тотальной несвободы.

Л. СЕЛЕЗНЕВ

Публикуемые сегодня впервые на русском языке тексты откликов на статью А. Левинсона печатались в парижской газете под шапкой «Вокруг Маяковского». Этот заголовок предположительно и публикации в «Литературной России», включив туда же и тоже впервые публикуемое письмо Бориса Зайцева к Ивану Бунину.

* «Архив русской революции, изданный И. В. Гессеном». Берлин. 1921, т. III, стр. 190 — 209. Репринтное воспроизводство: М., 1991.

** См.: La vie culturelle l'émigration russe en France. Chronique (1920 — 1930). Établie par Michèle Beyssac. Paris, 1971, p. 30, 40).

Неописуемо было удивление, когда Владимир Маяковский, поэт, ставший заложником Советов, певец и баловень режима, которому льстили с самой циничной непринужденностью, покончил с собой после буйно проведенной ночи. Это самоубийство привело в замешательство и смещение равно как его хозяев, так и его врагов. Демьян Бедный, этот официальный Лафонтэн, расквартированный в Кремле, правительственный баснописец, выразил своему обесилевшему товарищу посмертное порицание¹. Эта добровольная смерть, не была ли она мрачным опровержением «административного энтузиазма» (используя выражение сатирика Щедрина), которым вдохновлялись стихотворная брань и двустушия на плакатах, по команде изготовлявшихся покойным? Его враги, особенно среди эмигрировавших поэтов, тоже желали ему этого, потому что находили подобную смерть слишком красивой, чтобы завершить ею такую жизнь. Разочарование одних, злоба других кажутся мне одинаково проницательными. Мутив себе пулю в висок, Маяковский воспользовался последним и единственным средством вновь обрести ту свободу, которую он предал, перешагнув через запрет, объявить in extremis свою независимость; в то же время он испытал — самой высокой ценой, какую способен заплатить человек, — десять лет добровольного рабства и все свои предательства по отношению к Музе. Этим высшим актом, непредвиденной развязкой бесстыдного существования, он утвердил в глазах будущих поколений свое право называться поэтом. Еще недавно, каких-нибудь четыре года назад, он осмеивал с презрительным состраданием своего соперника Есенина, этого «балалаечника», который имел смешную слабость покончить с жизнью и оставить прощальное слово в стихах!

Так случилось, что он не только повторил этот отчаянный жест, но так же, чтобы проститься, оставил послание, где скверные рифмы перемешаны с фамильярной и небрежной эллиптической прозой. Молва гласит, что должно было существовать еще одно письмо, кото-

рое могло быть изъято агентами ГПУ...² Письмо-завещание, которое было опубликовано, полно — я не знаю даже какого — висельнического юмора. Даже в этом ultima verba ** заметно, вместе с жуткой тоской, разложение пораженной гангреной души, поэтому не надо искать здесь безумную меланхолию Есенина. Намеренная грубость тона, сомнительные каламбуры, заискивающий призыв к «товарищу правительству», к которому он обращается на «ты», позаботиться о близких, родных и любовнице производят крайне тягостное впечатление. Этой бравадой, стремлением обратить свой уход в шутку он, похоже, ополчил то, что было от великого и горького в его решении покончить с собой. Что же касается непосредственных причин этого решения, то в письме полно намеков на какое-то личное затруднение, которое, быть может, ухудшило и без того безысходное моральное состояние.

Владимир МАЯКОВСКИЙ. 1918 г.

Поэзия в советской России

Андрей ЛЕВИНСОН

Лит. Россия. — 1993. —

7 июля

(№ 26-27). —

С. 14-15

САМОУБИЙСТВО МАЯКОВСКОГО

«Это не способ, — писал он, — (другим не советую), но у меня выходов нет. <...>. Не считайте меня малодушным. Серьезно — ничего не поделаешь»³. Извинившись в этих выражениях и пожелав своим современникам жить счастливо, Маяковский ушел, чтобы присоединиться, четвертым по счету, к разгневанному теням трех великих поэтов своего поколения, обреченным «новой Россией» на преждевременную смерть: первый — Николай Гумилев, молодой глава школы, влюбленный в безукоризненное мастерство, поставленный к стенке в подвалах ЧК; Александр Блок, романтический гений, который поверил, что слышит «музыку революции» и который скончался, пропитанный отвращением к ней, в несказанной нищете (разрешение выехать из страны его спасло бы; упорно откладываемое его тюремщиками, оно было получено в день его кончины)⁴; Сергей Есенин, «развращенный крестьянский мальчик», который прославил с превосходной свежестью чувства мистическое возрождение России и которого реальность задушила в четырех стенах. Великая скорбь русской поэзии! <...>.

Он рухнул в тридцать шесть лет, в полном расцвете сил, пережив многие годы своего большого и странного таланта, который был использован для недостойных целей и омерзительной повинности.

Завсегдаги перекрестка Вавен несомненно помнят этого огромного весельчака с выбитым черепом, с волчьими скулами и квадратными плечами, который ошеломлял монпарнаских бедолаг, оплачивая им угощение в кафе с впечатляющей щедростью. Этот посланник советской словесности покрывал тупую толпу голодных артистов своим высоким ростом и громовым голосом. Собственно, его поэзия, составленная из слов, рассчитанных на произнесение, на выкрикивание, более чем из слов для письма, была создана скорее для эстрады, чем для книги. Звучный резонанс, мощная артикуляция его стихов, бросаемых на голову публики как проклятия, повергали его слуша-

Статья публикуется в сокращении (опущены в основном многочисленные цитаты из произведений Маяковского).

* В последний момент (лат.).

** Последнем слове (лат.).

телей в оцепенение, почти испуг. Этот стиль, в высшей степени устный, вокальный, ударный, страшно ритмованный барабанный бой мог бы разочаровать тех, кто читает эти стихи только глазами. Он был наделен в высшей степени тем, что Флобер называл «горлопанством».

Примерно пятнадцать лет назад молодой подмастерье Маяковский с грохотом ворвался в литературный круг. Тамбурмажор, уличный разносчик, зазывала новорожденного футуризма, он, конечно, искал рекламы с помощью скандала, и ему удалось сделать сенсацию. Футуристическая доктрина, которая была на Западе протестом юных, пришедших слишком поздно в слишком старый мир, бурной реакцией на гипертрофированную культуру, приняла в России парадоксальный оборот. Отрицать прошлое в стране без традиций, бороться против поверхностной цивилизации на непрочно фундаменте, подниматься против чрезмерной утонченности нации, большинство которой оставалось неграмотно, это было немислимо.

Подобные приступы вандализма, призывы к «разрушению эстетики», демонстрация превосходства «пары башмаков над Шекспиром», проводимая с искренним фанатизмом, — не были в России чем-то новым. Это были привычные аргументы критиков — гражданственников, радикалов, материалистов и утилитаристов. <...> Публикация «Облака» венчает своими пламенными гиперболами и сомнительными метаниями героический, если можно так сказать, период футуризма в русском варианте.

Объявление войны вызвало у Маяковского приступ патристической ярости. Он стал в ряды этих «соловьев над грудой трупов», которых Дмитрий Мережковский имел тогда смелость сурово порицать⁵. «Мы протрем наши шашки, — кричал человек в желтой кофте, — о панталоны венских козочек»⁶. В эти самые дни руководитель конкурирующей группы эго-футуристов, Игорь Северянин, игривый поэт «ананасов в шампанском», бросил вражеской империи следующее: «Германия, не забывайся!»⁷. Но все футуристы, начиная с Маринетти, разве не воинственны? Маяковский, впрочем, не воплотил свою доктрину на практике. Вскоре он был принят пораженческой группой Горького. Он восславил в стихотворной хронике февральское восстание и победу народа⁸, которую он предсказал и призвал в своей знаменитой поэме. Он ошибся лишь в дате, провозглашая, что «главой голодных орд в терновом венце революций грядет шестнадцатый год»⁹. Это пророческое видение дало самый большой кредит гражданской доблести поэта, который на следующий день после октябрьской революции примкнул без сомнений, но не без оговорок, к новому режиму. На государственный переворот футуристы ответили ударом кулака, не менее дерзким. Они требовали в качестве цены за свое присоединение к революции официального признания их методов государством. Вначале этот авантюристический авангард крепко взял под уздцы искусство. Позднее появилась оппозиция ему, в частности среди рабочих¹⁰. Сам Маяковский закрепился и хорошо держался, постепенно адаптируясь ко всем взглядам правительства. Он преодолел, не потеряв своего привилегированного положения, все фазы коммунистической диктатуры: террор, гражданскую войну, НЭП, восстановление. Его медовый месяц с большевизмом был отмечен несколькими лихими сочинениями: марши, прокламации, ежедневные приказы по армии искусств. Устные фанфары, инструментальные для большого оркестра, веки, отменяющие шаги масс, марширующие в будущее; эти отрывки характерны своим динамизмом, который граничит с грандиозностью. Театральная пьеса «Мистерия-буфф», образец пролетарской морали, поставленная Мейерхольдом, напротив, пережила провал, который остался в моей памяти совершенно четко и вот почему.

Живя в Петрограде, я дал оценку этой пустой пьесе в том, что касается идей и силы их воплощения. Тут же я оказался мишенью доноса, написанного по всей форме и подписанного одиннадцатью комиссарами от искусства, за то, что, как буржуазный критик, «саботировал работу Советского правительства»¹¹. К счастью для меня, вышеупомянутые Советы не были весьма взволнованы моим преступным оскорблением их величества. Со своей стороны, озадаченный автор пьесы смеялся с грязью в прессе самого министра за то, что он не поставил не подвергаемый сомнению авторитет правительства на службу его успеху¹². Тем не менее Маяковскому никогда не везло в театре, его талант

был по сути лирическим и ораторским. Провал его самой поздней пьесы¹³, сатирической картины нравов, возможно, ускорил его фатальную кончину.

Прекрасные остатки его буйного вдохновения еще можно найти в «150 миллионах», разновидности героико-комической эпопеи, революционного представления, где можно видеть огромную толпу мужиков, захватывающих Чикаго марионетки Вильсона. Но чем дальше он шел, тем более он придерживался мнения правящей партии, все больше сползание его таланта проявлялось и усиливалось — вплоть до падения в штопор в последние годы. Рассказывает ли он с невеселым юмором о терзаниях старой крестьянки в лагере генерала Врангеля, перекладывает ли на стихи речи на публичном собрании против иноземных империалистов, призывая китайцев поддержать его; исправляет ли, смеясь, нравы бюрократов, взяточников, фразеров; укладывает ли один за другим всех своих собратьев и конкурентов, советских поэтов, — везде заметны паралич его дара, тщетность, которая делает безрезультатными все совершаемые им действия. Он имел удовольствие усилить свой голос, тот остался без ответа. Была ли в этом поэтическая справедливость? Ибо мы присутствуем при возмездии поэту, предавшему свое призвание и пораженному бессилием. Бунтарь, дерзкий боготворец занялся рифмованием плакатов и рекламных щитов («Каждый, думающий о счастье своем, покупай немедленно выигрышный заем!» — ... Спрячь облигации, чтоб крепил они. Облигации этой удержу нет, лежит и дорожает 5 лет»¹⁴. Чем не максима общественной морали: «Надо голос поднимать за чистоплотность отношений наших и любовных дел»¹⁵. Горький, приглашенный приехать в Россию, показался строптивым, официальный Маяковский поднимает свой трубный голос: «Я знаю — Вас ценит и власть, и партия, Вам дали б все — от любви до квартир»¹⁶.

Не было ли это вершиной унижения, до которого может дойти дух? Постепенно пустота образовывалась вокруг него, пустота образовывалась в нем самом. Некоторые редкие порывы свидетельствуют о его отчаянии. Он жалуется тогда в странном ослеплении, что литература, литература других, «продается с молотка». Ничто отныне не могло остановить развязки.

(«Les Nouvelles Littéraires», Париж, 1930, 31 мая).

С французского.
Перевод Степана СОЛОМЕННИКОВА

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду статья Д. Бедного «Чудовищно. Непонятно» («Правда», 1930, 15 апреля).

² О версии гибели Маяковского см. в новейшем расследовании журналиста В. Скрятина: «Журналист», 1989, № 9; 1990, №№ 1, 2, 5; 1992, № 5/6; 1993, №№ 1, 2.

³ Из предсмертного письма «Всем» от 12 апреля 1930 года.

⁴ Об обстоятельстве получения визы на выезд А. Блока за границу см.: Дикущина Н. «Как решалась судьба поэта». «Литературная газ.», 1990, № 48, 28 ноября.

⁵ Против идеологии футуризма Д. Мережковский развернуто высказался в статье «Еще шаг грядущего хама» («Русское слово», М., 1914, 29 июня), не раз заявлял об этом и в публицистике военных лет.

⁶ Точная цитата: «Постойте, шашки о шелк козочек вытрем, вытрем в бульварах Вены!» («Война объявлена», 1914).

⁷ В августе — сентябре 1914 года Игорь Северянин опубликовал в газетах несколько декларативных ура-патриотических стихотворений, которые он не решился включить в свои последующие книги.

⁸ «Революция. Поэтохроника» (1917, апрель).

⁹ «Облако в штанах» (1915), ч. 2.

¹⁰ Сначала «Пролеткульт» (с 1917 г.), затем различные группировки, с 1920 г. объединившиеся во Всероссийскую ассоциацию пролетарских писателей (ВАПП, с 1925 г. — РАПП).

¹¹ Имеется в виду «Заявление по поводу «Мистерии-буфф», подписанное группой художников и критиков «левого» направления, в то время возглавлявших Отдел изобразительных искусств Наркомпроса, среди которых — Д. Штеренберг, Н. Пунин, О. Брик, И. Школьник и др. (газ. «Жизнь искусства», 1918, № 19, 21 ноября).

¹² См. «Открытое письмо народному комиссару по просвещению тов. Луначарскому» (газ. «Петроградская правда», 1918, № 254, 21 ноября; то же: Владимир Маяковский. Полн. собр. соч., т. 12, М., 1959, с. 14—15).

¹³ «Баня» (1929).

¹⁴ Рекламное стихотворение «Каждый, думающий о счастье своем, покупай немедленно выигрышный заем!» (1926).

¹⁵ Из стихотворения «Любовь» (1926).

¹⁶ Стихотворение «Письмо писателя Владимира Владимировича Маяковского писателю Алексею Максимовичу Горькому» (1926).

В «Литературных Новостях» от 31 мая была напечатана статья под заголовком «Поэзия в Советской России», направленная против поэта Маяковского.

Не желая указывать на те досадные ошибки, которые эта статья содержит, подписавшие эти строки — вне зависимости от их политических убеждений — объединились в протесте против оскорбления памяти великого русского поэта.

Нижеследующих удивляет, что одна из больших французских литературных газет сочла возможным напечатать пасквиль, который для его автора был только поводом, чтобы излить свою злобу русского эмигранта.

«Будучи убежденным сторонником свободы дискуссии, я могу только просить вас опубликовать заявление, которое вы мне переслали. Правда, меня несколько удивило число лиц, настолько осведомленных о фактах, относящихся к Маяковскому, что они могут авторитетно заявлять о моих «досадных ошибках» и судить о моих интимных мотивах.

К моему крайнему сожалению, я не могу ничего изменить в моей статье. Что касается русских, подписавших это письмо, — большевиков или сочувствующих, — но предпочитающих, как и я, жить в Париже, то я должен им заметить, что моя мнимая «эмигрантская злоба» странным образом ослабляется широким гостеприимством, какое оказывает изгнанным Франция, страна свободная, где охранена независимость писателя — его высшее достоинство. Опираясь на свидетельство читателей «Литературных Новостей», я могу напомнить,

Вокруг Маяковского

Б. К. Зайцев — И. А. Бунину
24 июня 1930 года

«Caro maestro e amico здесь устраивается протест против письма в «Nouv. Litt.» группы советских писателей и художников о Левинсоне (они объявляли его за справедливую статью о Маяковском). Наш ответ и выражение сочувствия А. Я. будет помещен так же. Текст написан мною, редактируется окончательно Ходасевичем. Тон спокойный.

Поскольку мы опубликовали протест, направленный нам по поводу статьи нашего сотрудника А. Левинсона о Маяковском, мы так же беспристрастно даем сегодня контрпротест, присланный нам большой группой русских писателей.

Господин редактор.
В недавнем номере «Литературных Новостей» вы опубликовали письмо, исходящее от группы литераторов и художников, по поводу статьи г-на Левинсона о Маяковском. Это письмо содержало в себе выражение крайнего возмущения г-ном Левинсоном, который оскорбил «великого русского поэта».

Мы, нижеподписавшиеся русские писатели, убедительно просим вас поместить в газете по этому поводу следующее:

Статья о Маяковском, напечатанная в «Литературных Новостях», принадлежит перу высокоуважаемого критика, весьма сведущего в русской литературе. Написанная известным писателем и появившаяся в такой газете, как ваша, статья не содержит ни малейшего оскорбления.

Какими бы ни были возможные нюансы относительно приятия поэтического таланта Маяковского, мы, русские писатели, лучше информированные о сегодняшнем положении нашей литературы, утверждаем, что Маяковский никогда не был великим русским поэтом, но только сочинителем официальных стихов, находящихся на службе

(Всего 108 подписей, из русских: Ю. АН-НЕНКОВ, Н. АЛТЫМАН, Шалом АНГ, П. ЭРЕНБУРГ, С. ФОТИНСКИЙ, Н. ГОНЧАРОВА, Р. ЯХНИНА, Л. КОЗИНЦЕВА, М. ЛАРИОНОВ, М. МАТВЕЕВ, Е. МАКОВСКАЯ, В. ПОЗНЕР, О. САВИЧ, О. ПАДКИН, П. ЗДАНЕВИЧ, Г. ПИТОВЕВ, Л. ПИТОВЕВА, К. ТЕРЕНКОВИЧ; из французских авторов: Р. ДЕСНОС, Ф. ЛЕЖЕ, П. ЛЕВИ, Ж. ЛИПШИЦ, А. МАТЬРО, А. МУССИНАК, П. ПИКАССО, Ж. ПРЕВЕР, Э. ТРИП-ОЛЕ, Т. ТЗАРА и др.).

(«Les Nouvelles Littéraires», 1930, 14 июня. Перевод с франц. — из газеты «За свободу», Варшава, 1930, 20 июня)

что многократно я их знакомил и давал возможность оценить — с этой достойной трибуны — таланты так называемых советских писателей, проживающих в России, хорошо понимая, какой отпечаток накладывает на их творчество, а иногда на их характеры, уничтожение советским режимом всякой свободы мысли и слова.

Не принадлежу ни к какой политической партии, я считаю, что стремление к истине, человеческой и литературной, является моим правом и моим долгом писателя. И даже попытки нападения, вроде той, которая недавно произошла на моей квартире в результате статьи о Маяковском, не останавливают меня.

Андрей ЛЕВИНСОН
(«Les Nouvelles Littéraires», 1930, 14 июня. Перевод с франц. — из газеты «За свободу», Варшава, 1930, 20 июня).

копный. Будь добр, дай твою подпись (Мережковский, Куприн и др. уже дали) — а также Галины Ник. (Кузнецовой. — Л. С.) и Зурова — будущ и молодые. Очень обяжешь. Если не пожалеешь 3 — 4 франков лишних, то дай телеграмму. Очень спешим (текст взялся писать Айданов, но уехал, ничего не сделав. Пусть и он не возражает — французам собирать уже некогда). <...>».

(«Новый журнал», Нью-Йорк, 1981, № 143).

у коммунистической партии и правительства СССР.

Мы выражаем нашу глубокую симпатию г-ну Левинсону, который стал объектом несправедливой критики в газетах и остается жертвой грубых махинаций со стороны одного французского писателя*. Мы желаем г-ну Левинсону успешно продолжать его деятельность, полезную, сколь и просветительскую.

Г-н редактор, примите выражение самых искренних чувств к вам.

Г. АДАМОВИЧ, М. АЛДАНОВ, Н. БЕРБЕРОВА, граф П. БОБРИНСКИЙ, русский академик И. БУНИН, З. ГИППИУС, В. ХОДАСЕВИЧ, проф. В. КАРТАШОВ, проф. Н. КУЛЬМАН, А. КУПРИН, Г. КУЗНЕЦОВА, И. ЛУКАШ, С. МАКОВСКИЙ, Д. МЕРЕЖКОВСКИЙ, К. МОЧУЛЬСКИЙ, П. МАМАТОВ, Г. ПЕСКОВ, Г. РАЕВСКИЙ, Н. РОШИН, В. СЕРИН, Ю. ТЕРАПИЯНО, Н. ТЭФФИ, В. ФОХТ, В. ВЕЙДЛЕ, Б. ЗАЙЦЕВ, В. ЗЛОБИН, Л. ЗУРОВ

(«Les Nouvelles Littéraires», 1930, 12 июня)

С французского.
Перевод С. СОЛОМЕННИКОВА

* Луи Арагон.

ОТ РЕДАКЦИИ

Неординарность и неоднозначность личности и творчества Владимира Маяковского неоспоримы, хотя многое о нем еще не сказано.

Публикуя материалы, вызванные к жизни в среде русской постереволюционной эмигра-

ции трагической смертью поэта, мы преследуем одну цель — на стол нынешних исследователей должны лечь и эти публикуемые впервые на русском языке тексты. Они — неотъемлемая часть науки о Владимире Маяковском.